

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
Кафедра отечественной истории

А.А. САЛЬНИКОВА, Д.М. ГАЛИУЛЛИНА

ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Учебно-методическое пособие

КАЗАНЬ – 2023

УДК 930

ББК 63.2

Принято на заседании учебно-методической комиссии ИМО

Протокол № 7 от 29.03.2023 года

Рецензенты:

доктор исторических наук,
руководитель Центра энциклопедистики Института татарской энциклопедии и
регионоведения АН РТ,
профессор кафедры отечественной истории КФУ **Р.В. Шайдуллин**;
кандидат исторических наук,
доцент кафедры исторического и обществоведческого образования КФУ
Р.Г. Шамсутдинова

Сальникова А.А., Галиуллина Д.М. Источники личного происхождения:

учебно-методическое пособие / А.А. Сальникова, Д.М. Галиуллина. – Казань:
Казанский федеральный университет, 2023. – 62 с.

Данное учебно-методическое пособие предназначено для студентов бакалавриата, обучающихся по направлению подготовки 46.03.01 «История» (профиль подготовки «Отечественная история») и изучающих на лекционных и практических занятиях курс «Источники личного происхождения». Пособие включает в себя методические указания, тематический план семинарских занятий, вопросы и задания для аудиторной и самостоятельной работы с источниками личного происхождения, список рекомендуемой литературы и электронных ресурсов, а также приложение, содержащее источники личного происхождения для проведения их анализа на практических занятиях.

Для студентов и преподавателей высших учебных заведений.

© Сальникова А.А., Галиуллина Д.М., 2023

© Казанский федеральный университет, 2023

Оглавление

Введение	4
Методические указания при работе с учебно-методическим пособием.....	7
Тематический план семинарских занятий	
Контрольные вопросы и задания по темам.....	8
Учебно-методическое обеспечение курса.....	57

Введение

Данное учебно-методическое пособие предназначено для студентов, обучающихся в бакалавриате по направлению 46.03.01 «История (Отечественная история)». Оно призвано помочь студентам приобрести знания и навыки работы с одними из важнейших видов исторических источников – источников личного происхождения. Дисциплина «Источники личного происхождения» Б1.В.02.03 относится к дисциплинам по выбору основной профессиональной образовательной программы соответствующего направления подготовки бакалавров, осваивается в 5 семестре 3 курса и призвана дополнить и углубить знания, умения и навыки по дисциплине «Источниковедение», относящейся к базовой (общепрофессиональной) части основной профессиональной образовательной программы соответствующего направления.

Целью курса является формирование у обучающихся представлений об источниках личного происхождения как об одном из важнейших для реконструкции исторического прошлого, но в тоже время и весьма сложных для анализа виде письменных источников. Сложность эта обусловлена их спецификой и, в первую очередь, спецификой их авторства. Личностный момент, безусловно, присутствует в любом источнике, но зачастую он бывает не явен или скрыт, и установить персональный вклад автора в создание того или иного документа в таком случае либо вообще не представляется возможным, либо решение этой проблемы означает весьма трудную задачу. С источниками личного происхождения, казалось бы, все очевидно: даже если авторство такого источника прямо и не указывается, субъективное начало выражается в них очевидно и прямо. Недаром в современном социогуманитарном знании такие источники зачастую именуются эго-документами (Я-документами). К таким документам сегодня относят мемуары (воспоминания), дневники, частную переписку (эпистолярные источники), некрологи, эссе и исповеди. Особенность всех этих документов

заклучена в том, что они передают действительность через субъективное восприятие человека, фиксируют современные автору события на основе прежде всего его собственного опыта, его собственного восприятия, его собственных впечатлений и чувств. И потому они требуют от историка особого подхода, особых методов и приемов, применяемых при их «прочтении» и интерпретации. Пристальное внимание должно быть уделено, прежде всего, автору такого источника, реконструкции его индивидуального портрета, выявлению его социальных и психологических характеристик, его мировоззрения и поведенческих практик, встроенных в контекст эпохи и во многом ею определяемых. Эссе и исповеди нельзя отнести к распространенным видам источников личного происхождения в России, хотя отдельные, немногочисленные их образцы чрезвычайно важны для понимания ментальной культуры русского общества XVIII-XIX вв. Однако традиционно доминировавшими разновидностями источников этого вида в России, начиная с момента их появления, становятся воспоминания, частные письма и дневники. На изучение в первую очередь именно этих разновидностей источников и ориентировано данное учебно-методическое пособие.

Значение курса «Источники личного происхождения» в системе подготовки студентов–историков в бакалавриате весьма значительно. Нет, пожалуй, ни одной выпускной квалификационной работы по отечественной истории, авторы которой не использовали бы в той или иной мере источники личного происхождения. Освоение указанной дисциплины обеспечивает формирование у бакалавров одного из основных профессиональных навыков – умение работать с разновременными источниками личного происхождения, включая и современные документы, что представляется необходимым не только в текущей учебной деятельности, но может быть востребовано в их будущей исследовательской, педагогической, экспертно-консультационной и других сферах профессиональной деятельности. Данный курс необходим при освоении всего комплекса социогуманитарных дисциплин,

ориентированных на изучение истории, политики и культуры России, как в прошлом, так и в настоящем.

Учебно-методическое пособие направлено на выработку у учащихся представлений о типологии и эволюции источников личного происхождения в России, о специфических особенностях этого вида документов, их информационной отдаче, проблемах репрезентативности и достоверности содержащейся в них информации. Не менее полезным является данное пособие и в деле формирования у студентов конкретно-практических навыков выявления, отбора, систематизации, прочтения и интерпретации этих источников, в овладении ими методами источниковедческого анализа и синтеза эго-документов.

Учебно-методическое пособие включает в себя методические указания, тематический план семинарских занятий, вопросы и задания для аудиторной и самостоятельной работы с источниками личного происхождения, список рекомендуемой литературы и электронных ресурсов, а также приложение, содержащее тексты для источниковедческого анализа.

В результате освоения данного раздела курса обучающиеся должны овладеть следующими компетенциями:

способность использовать в исторических исследованиях базовые знания в области источниковедения, специальных исторических дисциплин, историографии и методов исторического исследования (ПК-2).

Методические указания при работе с учебно-методическим пособием

При подготовке к практическим занятиям по той или иной теме следует ознакомиться с кругом вопросов для данного занятия и имеющимися конспектами лекций. Если в конспектах отсутствуют какие-либо подразделы темы, их необходимо восполнить за счет иных учебных материалов, включенных в список рекомендуемой литературы. В пособии дан единый список основной рекомендуемой учебной литературы для всех семинарских занятий.

Перечень носящих развернутый характер вопросов к семинарским занятиям позволяет структурировать и детализировать полученную информацию и выделить основные сюжеты, которые будут обсуждаться на семинаре. Необходимо также выполнить контрольные задания, направленные на овладение навыками анализа различных источников личного происхождения. Ряд текстов для анализа на практических занятиях предложены в пособии, однако ряд текстов предлагается подобрать студентам самостоятельно (в учебно-методическом пособии указано, где и как это сделать), что способствует формированию у обучающихся навыков выявления и отбора источников. Полученные в ходе самостоятельной работы результаты в последующем обсуждаются и оцениваются преподавателем на семинарском занятии.

Тематический план семинарских занятий
Контрольные вопросы и задания по темам

Тема 1

Источники личного происхождения. Общая характеристика. Классификация. Особенности анализа

Вопросы:

1. Понятие «источники личного происхождения» в источниковедении. «Я-документы» («эго-документы») и их специфика.
2. Изучение источников личного происхождения в отечественной историографии.
3. Классификация источников личного происхождения.
4. Источники личного происхождения: эволюция вида.
5. Специфика эго-документов как исторического источника.

Задание:

Найдите в вашем домашнем архиве любой письменный источник личного происхождения на материальном носителе. Дайте его письменный анализ по следующему плану:

- Автор источника
- Время создания
- Место создания
- При каких обстоятельствах он попал в вашу семью
- Конкретно-историческая ситуация, в которой возник источник
- Стилистика текста, особенности языка и вокабулярия
- Наличие визуальных элементов
- Содержание
- Полнота и достоверность описываемых событий

- Степень информационной насыщенности и репрезентативности информации
- Значимость данного документа как исторического источника

Тема 2

Мемуары и их специфика

1. Место мемуаров среди других источников личного происхождения.
2. Особенности мемуаров как источника.
3. Содержание мемуаров как специфических исторических свидетельств.
4. Дискуссия о субъективности мемуаров в источниковедении.
5. Классификация мемуаров.
6. Историческая эволюция мемуаров.
7. Историография источниковедения мемуарной литературы.
8. Источниковедческий анализ мемуаристики и его особенности.

Задание

Прочитайте раздел «К типологии мемуарного жанра» главы 1 монографии А.Г. Тартаковского «Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX века. От рукописи к книге» (М.: Наука, 1991).

Ответьте на вопросы:

1. Что понимает А.Г. Тартаковский под «мемуарными источниками»?
2. Каковы, по его мнению, критерии принадлежности источника к мемуарным?
3. Какова социальная функция мемуаристики?
4. Насколько возможно воссоздание в мемуаристике «исторически конкретной, реально бывшей» (А.Г.Тартаковский) действительности?
5. Каковы, по мнению А.Г. Тартаковского, отличительные видовые признаки мемуаров?

Для справки:

А.Г. Тартаковский (1931–1999) – российский историк, источниковед. Крупнейший знаток русской мемуаристики XVIII-XIX веков. Один из основателей мемуаристики (мемуароведения) как особой отрасли знания в отечественной исторической науке.

Тема 3

Дневники и их особенности

1. Формы дневниковых записей.
2. Особенности создания и сохранения дневников.
3. Автор и содержание дневников.
4. Значение дневников как исторического источника.
5. Источниковедческое изучение дневников.
6. Публикация дневников.
7. Отличия дневников от воспоминаний.

Задание

Вновь начав вести дневник после длительного, 9-тилетнего перерыва в 1911 г., Александр Блок писал: «Писать дневник, или, по крайней мере, делать ль времени до времени заметки о самом существенном, надо всем нам. Весьма вероятно, что наше время – великое и что именно мы стоим в центре жизни, т.е. в том месте, где сходятся все духовные нити, куда доходят все звуки... Мне скоро 31 год. Я много пережил лично и был участником нескольких, быстро сменивших друг друга эпох русской жизни. Многое никуда не вписано, и много драгоценного безвозвратно потеряно». (Блок А. Дневник. М., 1989. С. 64).

Ответьте на вопросы:

1. Как вы думаете, почему Александр Блок вернулся к ведению дневников в 1911 г.? Чтобы ответить на этот вопрос, ознакомьтесь с биографией А. Блока.

2. Что имел в виду А. Блок под «несколькими, быстро сменявшимися друг друга эпохами русской жизни»?
3. Почему он считает столь необходимым ведение дневников?
4. Какие еще дневники деятелей культуры этого периода вам известны?
5. Что общего у этих дневников с «Дневниками» А. Блока?

Для справки:

Александр Блок (1880–1921) – русский поэт Серебряного века, классик русской литературы, один из крупнейших представителей русского символизма. Дневники Александр Блок вел в наиболее важные периоды своей жизни: в 1901 – 1902, 1911 – 1913 и в 1917 – 1921 годах. Они содержат богатый материал для характеристики общественных настроений русской интеллигенции в первые десятилетия XX века, в канун и во время Октябрьской революции, помогают понять специфику личности самого Александра Блока, характеризуют глазами поэта специфику той общественно-политической атмосферы, в которой жил и творил автор знаменитой поэмы «Двенадцать».

Тема 4

Эпистолярные источники как особая разновидность источников личного происхождения

1. Эпистолярные источники. Понятие. Специфика.
2. Значение эпистолярных источников для исторических исследований.
3. Проблема сохранности эпистолярных источников.
4. Письма в средствах массовой информации.
5. Особенности источниковедческого анализа эпистолярных источников.
6. Перлюстрация и проблема полноты и достоверности эпистолярных текстов.
7. Частная онлайн переписка как источник и ее особенности.

Задание

Прочитайте подборку фронтовых писем красноармейца Сергея Солдатова и его боевых товарищей периода Великой Отечественной войны.

«22.09.1944. Привет из Румынии!

Здравствуйте, мои милые и драгоценные супруженька Марусечка и деточки Гриня и Любочка! Шлю вам сердечный привет и наилучшие пожелания. Нахожусь от вас на порядочном расстоянии. Скоро наступит окончательный час расплаты фашистов за все злодеяния. Недалеко остаётся до гитлеровской берлоги, откуда он будет вытащен и добит. И вот тогда мы свободно вздохнём и я, мои дорогие, вернусь на родину, к своей дорогой семейке. Писем я от вас давно не получаю, видно, что почта не успевает идти за нами. Ягодка моя Марусечка, ты за меня не беспокойся, береги своё здоровье и старайся получше кормить наших деточек. Как хочется обнять всех вас, а Любочку-то я ещё не видел, люблюсь только на карточку. Гриня, сыночек, учись лучше, дружи только с хорошими ребятами, слушай и уважай старших, а уж маму свою и подавно. Не забывай бабушку с дедушкой. Поклон папаше, мамаше, привет кумушке и куманёчку, всем братцам и сестрицам, Любящий тебя, Мурочка, Серёжа и любящий деточек папа».

«09.10.1944. Привет из Югославии!

Здравствуй, милая Марусечка! Мой тебе супружеский поклон. Я жив, здоров, чего и тебе желаю. Скоро мы увидимся с тобой, а пока будем ждать этого часа: я – разбивая врага и освобождая подпавшие под него государства, а ты – трудясь в тылу на пользу родине, на помощь фронту. Живу я пока ничего. Питание хорошее, ну а с трудностями считаться не приходится. Вкратце опишу, как встречает нас население освобождаемых стран. Румыны и болгары запуганы, некоторые подбегали к нам и спрашивали: "Где же у вас рога, где же хвост?" Вот такую пропаганду тут вели немцы. Югославы совсем по-другому к нам относятся: не

успеешь войти в деревню или в город – бегут нам на встречу с радостью, стараются затащить в дом покушать, отдохнуть. И говорят, что едва нас дождались, спрашивают, почему долго не приходили, а уж о патриотизме их и описать нельзя вкратце. Партизаны действуют как нигде, а особенно молодежь – и барышни, и парни в руках с гранатами, с винтовками. Подбегают к нам и говорят: "Мы вам помогаем, только давайте скорее изгоним от нас фашистов"... Целую вас крепко-крепко!»

«15.10.1944. Привет из Румынии!

Редко пишу вам, уж меня извините, сильно занят – догоняю подстреленного зверя. бывает. он огрызается. но мы собьем ему зубы. Обо мне не тужите – я на почетном посту, то есть в армии, которая освободила свою Родину, а теперь возвращает свободу тем странам, которые ждали этого часа многие годы. Завтра буду в Венгрии, погоним фашистов оттуда...»

«17.10.1944. Привет из Венгрии!

Здравствуй, моя милая Мурочка! Чем дальше я уйду от вас, тем ближе день, когда война подойдет к концу. Письма твои я получил, вчера – сразу два, и был несказанно рад. Милая мой женушка, напиши мне вкратце, кто есть в Синявине из мужчин, особенно из моих товарищей, чем они занимаются, а о ком пришло извещение. Ягодка моя! Почему Грине отказали в пайке? Ты смело требуй свое, ведь я не где-нибудь нахожусь, а защищаю всех тех, от кого зависит ваша жизнь. С коровой делай как лучше – возможно, она к зиме станет жирной и можно будет ее забить, но тебе видней, да и есть там кому посоветовать. А мен ждать – ведь это загадочно, дело может затянуться. Представляю, как тебе достается трудно одной, ну что же, – будет наше счастье, приду, сменю тебя...

А живу я ничего, время проводим весело, особенно когда приходится биться с фашистами и мадьярами – я, как старый математик, привожу их своим ружьем "к общему знаменателю"...

Гриня, мой сыночек! Слушайся маму, она вас воспитывает, здоровье на вас кладет, старайся лучше учиться, чтобы забота о тебе даром не прошла. Милая моя, дочка! Посылаю тебе картиночки хорошие из русских сказок. А ты чаще целуй маму и помогай бабушке...»

«19.10.1944.

Здравствуй, мой милый сыночек! У меня сегодня праздник: я получил от родных девять писем! Желанный мой Гриня, я рад, что у тебя есть хороший товарищ, передавай ему мой боевой привет! Скоро я вернусь и поведаю вам о всем, что видел, – а это большой плюс к моим знаниям по географии, истории, да и по математике тоже, ведь будет подсчет, скольких фашистов мы лишили жизни. А ружье у меня, маленький, ПТР (С), но, помогая артиллерии, приходится стрелять и из (Д). Ты меня дождись обязательно, и я тебе все-все расскажу!»

«29.10.1944. Привет из Венгрии!

Ягодка моя Марусечка! Если бы ты знала, как я соскучился по вам! От сыночка я получил два письма – он пишет о своих контрольных работах. Я боялся за русский язык, проскальзывают у него ошибки, но раз он написал на "4", то это хорошо, а в течение года он подтянется, а ты, моя милая, способствуй ему и знай, что дети для нас – все. Целую тебя крепко несчетно раз, а ты поцелуй за меня деточек. Будьте счастливы! Дождитесь меня».

«Письмо пущено 9 ноября.

Здравствуйте, бывшая жена нашего боевого товарища Мария Ивановна. Сообщаю вам и вашему сыну Григорию, что ваш муж Солдатов Сергей Васильевич

6 ноября 1944 года погиб геройской смертью при освобождении населенного пункта Майошхаза вблизи города Будапешта. Кроме этого ждите сообщение с нашего штаба. 30 рублей и три фотокарточки, что были у него, посылаем вам, и справку о льготах по налогу. Писали его фронтовые товарищи – Григорий Красноноженко и Грудинин Тимофей".

«4 января 1945 года

Письмо от товарищи вашего папочки Тимофе Грудинина... Вы просите, чтобы я описал в подробности, как и где погиб Сергей Васильевич. Погиб он смертью храбрых при моих глазах. Вражеская пуля попала ему в грудь. Смерть его была очень легкая. После смерти моего драгоценного товарища противник не выдержал нашего гвардейского натиска. Похоронили мы Сергея Васильевича на северной окраине деревни Майошхаза, опустили в могилку, сделали салют, присыпали землей, поставили подпись о нем. Мы отомстим за нашего товарища. Мы победим!»
Неугасимая память поколений. Письма с фронта. URL:

<https://mamson80.wixsite.com/memoryofgeneration>

Ответьте на вопросы:

1. Охарактеризуйте исторические условия, в которых были написаны письма Сергея Васильевича Солдатова.
2. Что вы можете сказать об авторе этих писем исходя из их текстов.
3. О чем пишет автор писем? Что для него особенно важно?
4. Как соотносятся в тексте писем личное, частное и общественное?
5. Какое значение имеют эти письма как исторический источник?

Для справки:

Сергей Васильевич Солдатов – красноармеец, житель с. Синявино Плавского района Тульской области. До войны – учитель математики Синявинской школы. В мае 1942 года ушёл на фронт добровольцем, летом полк попал в окружение, родным

пришло извещение, что он пропал без вести. В 1944 году они начали получать от него письма с фронта. Погиб 6 ноября 1944 года в Венгрии. Похоронен в братской могиле в с. Майошхаза область Пешт.

Тема 5

Эссеистика, исповеди, некрологи

1. В чем особенности эссе как источника личного происхождения?
2. Отсутствие развитой эссеистики – специфика структуры российской источниковой базы. Почему так произошло?
3. Исповеди как особая разновидность источников личного происхождения.
4. Некрологи. Проблемы репрезентативности и достоверности как исторического источника.

Задание

Напишите эссе на тему: «Казань в моей жизни и в жизни моей семьи».

Ответьте на вопросы:

1. Что явилось источником написания эссе?
2. Как соотносится в эссе Ваш личный опыт и опыты членов Вашей семьи, друзей, знакомых и т.д.?
3. Как соотносятся в тексте эссе фактологическая и оценочная информация? Насколько значим и силен в нем эмоциональный фактор?
4. Насколько репрезентативно и достоверно данное эссе как исторический источник?

Обсудите написанные эссе в фокус группах и докажите, что они являются важными источниками изучения истории города и городской повседневности.

Тема 6

Зарождение мемуарной литературы в России. Причины возникновения литературного жанра нового типа

1. Зачатки мемуарного начала на Руси: русские летописи.
2. Житийные произведения как предтеча биографической мемуаристики.
3. Личностные моменты в поучениях и посланиях.
4. Биографические и автобиографические элементы в русской публицистике XV–XVI в. «История о великом князе Московском». Переписка Иван Грозного с Андреем Курбским.
5. Мемуарные элементы и включения в русских исторических произведениях первой половины XVII в.
6. Особенности выявления и анализа мемориальных тенденций в оригинальной древнерусской литературе XI– первой половины XVII в.

Задание:

найти на независимом российском мультимедийном интернет портале «Православие и мир» («Правмир») pravmir.ru одно из житийных произведений. Выявить и проанализировать присутствующие в нем мемуарные тенденции и их специфику.

Тема 7

Мемуарные источники второй половины XVII в.

Вопросы:

1. Дальнейшая эволюция источников личного происхождения в России после Смуты. Особенности мемуаров второй половины XVII в.
2. Жанровые формы мемуарной литературы второй половины XVII в. Их разнообразие.
3. Специфика ранней русской мемуаристики.

4. Отражение важнейших политических событий в русской мемуаристике середины – второй половины XVII в. (Записки Г.Н. Собакина, воспоминания П.А. Золотарева, Записки А.А. Матвеева).
5. «Житие протопопа Аввакума» как сочетание элементов жития, бытовой повести и автобиографии.

Задание:

Прочитайте отрывки из «Жития протопопа Аввакума» (Житие протопопа Аввакума / Изд. подг. Н. С. Демкова и Л. В. Титова. СПб.: Наука, 2019).

Из «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного»

[Начальный период жизни Аввакума. Первые годы его священства. Первое и второе изгнания] Рождение же мое в нижегородских пределах, за Кудмою рекою, в селе Григорове. Отец ми бысть священник Петр, мати – Мария, инока Марфа. Отец же мой прилежаше пития хмельнова, мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаше мя страху божию. Аз же некогда видево у соседа скотину умершу, и той ноци, возставше, пред образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех мест обыкох по вся ноци молитися. Потом мати моя овдовела, и я осиротел молод и от своих соплеменник во изгнании быхом. Изволила мати меня женить. Аз же пресвятей богородице молихся, да даст ми жену помощницу ко спасению. И в том же селе девица, сиротина ж, беспрестанно обыкла ходить во церковь, – имя ей Анастасия. Отец ея был кузнец, именем Марко, богат гораздо; а егда умре, после ево вся истоцилось. Она же в скудости живяше и моляшеся богу, да же сочетается за меня совокуплением брачным; и бысть по воле божии тако. Посем мати моя отыде к богу в подвизе велице. Аз же от изгнания переселихся во ино место. Рукоположен во диаконы двадесяти лет с годом, и по дву летех в попы поставлен; живый в попех осм лет, и потом совершен в протопопы православными епископы – тому

двадесет лет минуло; и всего тридесет лет, как имею священство. А егда в попах был, тогда имел у себя детей духовных много, – по се время сот с пять или с шесть будет. Не почивая, аз грешный, прилежа во церквах, и в домех, и на распутиях, по градом и селам еще же и в царствующем граде и во стране сибирской проповедуя и уча слову божию, – годов будет тому с полтретьятцетъ. Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатися девица, многими грехми обремененна, блудному делу, и малакии всякой повинна; нача мне, плакавшея, подробну возвещати во церкви, пред Евангелием стоя. Аз же, треокаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным, и горко мне бысть в той час: зажег три свечи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя, и держал, дондеже во мне угасло злое разжение, и, отпустя девицу, сложа ризы, помоляся, пошел в дом свой зело скорбен. Время же яко полнощи, и пришед во свою избу, плакався пред образом господним, яко и очи опухли, и моляся прилежно, да же отлучит мя Бог от детей духовных, понеже бремя тяжко, неудобь носимо. Падох на землю на лица своем, рыдаше горце и забыхся, лежа; не вем, как плачю; а очи сердечнии при реке Волге. Вижу: пловут стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормщику на них сиделцов. И я спросил: «чье корабли?» И оне отвещали: «Лукин и Лаврентиев». Сии быша ми духовныя дети, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончались богоугодне. А се потом вижу третей корабль, не златом украшен, но разными пестротами, – красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо, – его же ум человек не вмести красоты его и доброты; юноша светел, на корме сидя, правит; бежит ко мне из-за Волги, яко пожрати мя хочет. И я вскричал: «чей корабль?» И сидяй на нем отвещал: «твой корабль! на, плавай на нем з женою и детьми, коли докучаешь!» И я вострепетах и седше разсуждаю: что се видимое? и что будет плавание? А се по мале времени, по писанному: «бьяша мя болезни смертныя, беды адовы обре-тоша мя: скорбь и болезнь обретох». У вдовы

началник отнял дочь, и аз молих его, да же сиротину возвратит к матери, и он, презрев моление наше, и воздвиг на мя бурю, и у церкви, пришед сонмом, до смерти меня задавили. И аз лежа мертв полчасу и болши, и паки оживе божиим мановением. И он, устрашася, отступился мне девицы. Потом научил ево дьявол; пришед во церковь, бил и волочил меня за ноги по земле в ризах, а я молитву говорю в то время. Таже ин начальник во ино время на мя расвирипел, – прибежал ко мне в дом, бив меня, и у руки отгрыз персты, яко пес, зубами. И егда наполнилась гортань ево крови, тогда руку мою испустил из зубов своих, и, покиня меня, пошел в дом свой. Аз же, по благодаря бога, завертев руку платом, пошел к вечерне. И егда шел путем, наскочил на меня он же паки со двумя малыми пищальми и, близ меня быв, запалил ис пистолы, и божиею волею на полке порох и пыхнул, а пищаль не стрелила. Он же бросил ея на землю и из другия паки запалил так же, и та пищаль не стрелила. Аз же прилежно, идучи, молюсь богу, единою рукою осенил ево и поклонился ему. Он меня лает, а я ему рекл: «благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет!» Посем двор у меня отнял, а меня выбил, всего ограбя, и на дорогу хлеба не дал. В то же время родился сын мой Прокопей, который сидит с матерью в земле закопан. Аз же, взяв клюшку, а мати – некрещенова младенца, побрели, амо же Бог наставит, и на пути крестили, яко же Филипп каженикаб древле. Егда ж аз прибрел к Москве, к духовнику протопопу Стефану и к Неронову протопопу Ивану, они же обо мне царю известиша, и государь меня почал с тех мест знати. Отцы же с грамотою паки послали меня на старое место, и я притащился, – ано и стены разорены моих храмив. И я паки позавелся, а дьявол и паки воздвиг на меня бурю. Придоша в село мое плясовые медведи с бубнами и с домрами: и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и ухари и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял, – одново ушиб, и паки ожил, а другова отпустил в поле. И за сие меня Василей Петрович Шереметев, плувучи Волгою в Казань на

воеводство, взяв на судно и браня много, велел благословить сына своего Матфея бритобратца. Аз же не благословил, но от писания ево и порицал, видя блудолюбный образ. Боярин же, гораздо осердясь, велел меня бросить в Волгу, и, много томя, протолкали. А опосле учинились добры до меня: у царя на сенях со мною прощались; а брату моему меньшому боярню Васильева и дочь духовная была. Так то Бог строит своя люди... Помале паки инии изгнаша мя от места того вдругоряд. Аз же сволокся к Москве и, божию волею, государь меня велел в протопопы поставить в Юрьевец-Повольской. И тут пожил немного, – только осьм недель: дьявол научил попов, и мужиков, и баб, – пришли к патриархову приказу, где я дела духовныя делал, и, вытаща меня ис приказа собранием, – человек с тысящу и с полторы их было, – среди улицы били батожем и топтали; и бабы были с рычагами. Грех ради моих замертва убили и бросили под избной угол. Воевода с пушкарями прибежали и, ухватя меня, на лошади умчали в мое дворишко; и пушкарей воевода около двора поставил. Людие же ко двору приступают и по граду молва велика. Наипаче же попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят: «убить вора..., да и тело собакам в ров кинем!» Аз же, отдохня, в третей день ночью, покиня жену и дети, по Волге сам-третей ушел к Москве. На Кострому прибежал, – ано и тут протопопа ж Даниила изгнали. Ох, горе! везде от дьявола житья нет! Прибрел к Москве, духовнику Стефану показался; и он на меня учинился печален: на што-де церковь соборную покинул? Опять мне другое горе! Царь пришел к духовнику благословитца ночью; меня увидел тут; опять кручина: на што-де город покинул? – А жена, и дети, и домочадцы, человек с двадцеть, в Юрьевце остались: не ведомо – живы, неведомо – прибиты! Тут паки горе. [Аввакум в Москве. Начало борьбы с Никоном. Первые гонения] Посем Никон, друг наш, привез из Соловков Филиппа митрополита. А прежде ево приезду Стефан духовник, моля бога и постясь седмицу с братьею, – и я с ними тут же, – о патриархе, да же даст Бог пастыря ко спасению душ наших,

и с митрополитом казанским Карни-лием, написав челобитную за руками, подали царю и царице – о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах. Он же не восхотел сам и указал на Никона митрополита. Царь ево и послушал, и пишет к нему послание навстречу: преосвященному митрополиту Никону новгородскому и великолукскому и всея Руси радоватися, и прочая. Егда же приехал, с нами яко лис: челом да здорово. Ведает, что быть ему в патриархах, и чтобы откуля помешка какова не учинилась. Много о тех кознях говорить. Егда поста-вили патриархом, так друзей не стал и в крестовую пускать! А се и яд отрыгнул. В пост великой прислал память х Казанской, к Неронову Ивану. А мне отец духовной был; я у него все и жил в церкви: егда куды отлучится, ино я ведаю церковь. И к месту, говорили, на дворец к Спасу, на Силюно покойника место; да Бог не изволил. А се и у меня радение худо было. Любо мне, у Казанские тое держался, чел народу книги. Много людей приходило. В памяти Никон пишет: «Год и число. По преданию святых апостол и святых отец, не подобает во церкви метания творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны, еще же и трема персты бы есте крестились». Мы же задумалися, сошедшеся между собою; видим, яко зима хочет быти; сердце озябло, и ноги задрожали. Неронов мне приказал церковь, а сам един скрылся в Чюдов, – седмицу в полатке молился. И там ему от образа глас бысть во время молитвы: «время приспе страдания, подобает вам неослабно страдати!» Он же мне, плачючи, сказал: также коломенскому епископу Павлу, его же Никон напоследок огнем жжег в новгородских пределах, потом – Данилу, костромскому протопопу; таже сказал и всей братье. Мы же с Данилом, написав из книг выписки о сложении перст и о поклонех, и подали государю; много писано было; он же, не вем где, скрыл их: мнитмися, Никону отдал... Таже меня взяли от всенощнаго Борис Нелединской со стрелцами; человек со мною с шестьдесят взяли: их в тюрьму отвели, а меня на патриархове дворе на чепь посадили ночью. Егда же розсветало в день

недельный, посадили меня на телегу и ростянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря, и тут на чепи кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидел три дни, ни ел, ни пил; во тме сидя, кланялся на чепи, не знаю – на восток, не знаю – на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно. Бысть же я в третий день приалчен, – сиречь есть захотел, – и после вечерни ста предо мною, не вем ангел, не вем – человек, и по се время не знаю, токмо в потемках молитву сотворил и, взяв меня за плечо, с чепью к лавке привел и посадил и лошку в руки дал и хлеба немножко и штец похлебать, – зело при-кусны, хороши! – и рекл мне: «полно, довлеет ти ко укреплению!» Да и не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало! Дивно только – человек; а что ж ангел? ино нече-му дивитца – везде ему не загорожено. На утро архимарит с братьею пришли и вывели меня; журят мне, что патриарху не покорился, а я от писания ево браню да лаю. Сняли большую чепь да малую наложили. Отдали чернцу под начал, велели волочить в цер-ковь. У церкви за волосы дерут, и под бока толкают, и за чепь торгают, и в глаза плю-ют. Бог их простит в сий век и в будущий: не их то дело, но сатаны лукаваго. Сидел тут я четыре недели...

[Возвращение из сибирской ссылки] Таже с Нерчи реки паки назад возвратилися к Русе. Пять недель по лду голому ехали на нартах. Мне под робят и под рухлишко дал две клячки; а сам и протопопица брели пеши, убивающесе о лед. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошедми итти не поспеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится, – кольско го-раздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нее набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: «матушка-государыня, прости!» А протопопица кричит: «что ты, батко, меня задавил?» Я пришел, – на меня, бедная, пеняет, говоря: «долго ли муки сея, протопоп,

будет?» И я говорю: «Марковна, до самыя смерти!» Она же, вздохня, отвечала: «добро, Петрович, ино еще побредем». Курочка у нас черненькая была; по два яичка на день приносила робяти на пищу, божиим повелением нужде нашей помогая; Бог так строил. На нарте везучи, в то время удавили по грехом. И нынеча мне жаль курочки той, как на разум приидет. Ни курочка, ни што чюдо была: во весь год по два яичка на день давала; сто рублей при ней плюново дело, железо! А та птичка одушевлена, божие творение, нас кормила, а сама с нами кашку сосновую ис котла тут же клевала, или и рыбки прилучится, и рыбку клевала; а нам против того по два яичка на день давала. Слава богу, вся строившему благая! А не просто нам она и досталася. У боярони куры все переслепли и мереть стали; так она, собравше в короб, ко мне их принесла, чтоб-де батько пожаловал, – помолился о курах. И я-су подумал: кормилица то есть наша, детки у нея, надобно ей курки. Молебен пел, воду святил, куров кропил и кадил; потом в лес збродил, корыто им зделал, из чево есть, и водою покропил, да к ней все и отослал. Куры божиим мановением исцелели и исправилися по вере ея. От тово-то племяни и наша курочка была. Да полно тово говорить! У Христа не сегодня так повелось. Еще Козма и Дамиян человеком и скотом благодествовали и целили о Христе. Богу вся надобно: и скотинка и птичка во славу его, пречистаго владыки, еще же и человека ради... Десеть лет он меня мучил или я ево, – не знаю; Бог разберет в день века. Перемена ему пришла, и мне грамота: велено ехать на Русь. Он поехал, а меня не взял; умышлял во уме своем: «хотя-де один и поедет, и ево-де убьют иноземцы». Он в дощениках со оружием и с людми плыл, а слы-шал я, едучи, от иноземцев: дрожали и боялись. А я, месяц спустя после ево, набрав старых и болных и раненых, кои там негодны, человек с десятков, да я с женою и з детми, – семнатцеть нас человек, в лотку седше, уповая на Христа и крест поставя на носу, поехали, амо же Бог наставит, ничего не бояся. Таже в русские грады приплыл и уразумел от

церкви, яко ничто ж успеваает, но паче молва бывает. Опечался, сидя, рассуждаю: что сотворю? проповедаю ли слово божие или скроюся где? Понеже жена и дети связали меня. И виде меня печална, протопопица моя приступи ко мне со опрятством и рече ми: «Что, господине, опечалился еси?» Аз же ей подробну известих: «жена, что сотворю? зима еретическая на дворе; говорить, ли мне или молчать? – связали вы меня!» – Она же мне говорит «господи помилуй! что ты, Петрович, говоришь? Слыхала я, – ты же читал, – апостольскую речь: "привязался еси жене, не ищи разрешения; егда отрешитися, тогда не ищи жены". Аз тя и с детми благословляю: дерзай проповедати слово божие попрежнему, а о нас не тужи; дондеже Бог изволит, живем вместе, а егда разлучат, тогда нас в молитвах своих не забывай; силен Христос и нас не покинуть! Поди, поди в церковь, Петровичь, – обличай блудную еретическую!» Я-су ей за то че-лом, и, отряше от себя печальную слепоту, начах попрежнему слово божие проповедати и учити по градом и везде, еще же и ересь никониянскую со дерзновением обличал. В Енисейске зимовал; и паки, лето плывше, в Тобольске зимовал. И до Москвы едучи, по всем городам и по селам, во церквах и на торгах кричал, проповедавая слово божие, и уча, и обличая безбожную лесь. Таже приехал к Москве. Три годы ехал из Даур; а туды волокся пять лет против воды; на восток все везли, промежду иноземских орд и жилищ. Много про то говорить! Бывал и в ыноземских руках. На Оби великой реке предо мною 20 человек погубили христиан, а надо мною думав, да и отпустили совсем. Паки на Иртыше реке собрание их стоит: ждут березовских наших с дощенником и по-бить. А я, не ведаючи, и приехал к ним и, приехав, к берегу пристал: оне с луками и обскочили нас. Я-су, вышед, обниматца с ними што с чернцами, а сам говорю: «Христос со мною, а с вами той же!» И оне до меня и добры стали и жены своя к жене моей привели. Жена моя также с ними лицемеритца, как в мире лесь совершается; и бабы удобрились. И мы то уже знаем: как бабы бывают

добры, так и все о Христе бывает добро. Спрятали мужики луки и стрелы своя, торговать со мною стали, – меведев я у них накупил, – да и отпустили меня...

Ответьте на следующие вопросы:

1. В какое время и в каких исторических условиях возник этот документ?
2. Что вы знаете о его авторе?
3. Почему это произведение считается началом русской автобиографики?
4. Что отличает «Житие протопопа Аввакума» от канонических житий? Почему этот источник считается уникальным памятником русской литературы XVII в.?
5. Как соотносятся в «Житие протопопа Аввакума» личный элемент и публицистическая полемика?
6. Каков информационный потенциал этого источника личного происхождения?

Для справки:

Протопоп Аввакум (Авва́кум Петро́в) (1620 – 1682) — священник Русской церкви, писатель, автор автобиографического «Жития протопопа Аввакума» и ряда полемических сочинений и посланий единомышленникам. Идеолог и наиболее видный деятель старообрядчества в период его возникновения. В старообрядчестве на протяжении всей его истории являлся авторитетной и знаковой фигурой и почитается как священномученик и исповедник.

Тема 8

Мемуаристика XVIII в.

Вопросы:

1. Эволюция источников личного происхождения в XVIII в. Преобладание автобиографических тенденций. Мемуары как основная разновидность эго-документов этого периода.
2. Русские мемуары-автобиографии первой половины XVIII в. Мемуарные автобиографии Б.И. Куракина, И.М. Грязнова, В.А. Нащокина, Г.П. Чернышева. Новизна жанра и начало формирования мемуарной традиции.
3. Подъем автобиографического жанра в России в екатерининскую эпоху. Мемуары А.Т. Болотова как классические мемуары-автобиография.
4. Расширение круга авторов мемуаров. «Женские» мемуары екатерининской эпохи.
5. Мемуары иностранцев, состоявших на русской государственной службе. Записки генерала Манштейна, графа Миниха и др.
6. «Демократизация» авторского состава мемуаристов. Мемуары провинциальных чиновников конца XVIII в. Записки И.И. Мешкова.
7. Первые памятники дневникового жанра в России. «Дневные записки» И.А. Желябужского.

Задание:

Прочитайте отрывки из «Собственноручных записок императрицы Екатерины II» (Екатерина II. Записки. М.: Захаров, 2022. URL: http://az.lib.ru/e/ekaterina_w/text_0380.shtml)

Мать Петра III, дочь Петра I, скончалась приблизительно месяца через два после того, как произвела его на свет, от чахотки, в маленьком городке Киле, в Голштинии, с горя, что ей пришлось там жить, да еще в таком неудачном замужестве. Карл-Фридрих, герцог Голштинский, племянник Карла XII, короля Шведского, отец Петра III, был принц слабый, неказистый, малорослый, хилый и бедный (смотри «Дневник» Берг-хольца). Он умер в

1739 году и оставил сына, которому было около одиннадцати лет, под опекой своего двоюродного брата Адольфа-Фридриха, епископа Любекского, герцога Голштинского, впоследствии короля Шведского, избранного на основании предварительных статей мира в Або по предложению императрицы Елизаветы. Во главе воспитателей Петра III стоял обер-гофмаршал его двора Брюммер, швед родом; ему подчинены были обер-камергер Бергхольц, автор вышеприведенного «Дневника», и четыре камергера; из них двое – Адлерфельдт, автор «Истории Карла XII», и Вахтмейстер, были шведы, а двое других, Вольф и Мардефельд, голштинцы. Этого принца воспитывали ввиду шведского престола при дворе, слишком большом для страны, в которой он находился, и разделенном на несколько партий, горевших ненавистью; из них каждая хотела овладеть умом принца, которого она должна была воспитать и, следовательно, вселяла в него отвращение, которое все партии взаимно питали по отношению к своим противникам. Молодой принц от всего сердца ненавидел Брюммера, внушавшего ему страх, и обвинял его в чрезмерной строгости. Он презирал Бергхольца, который был другом и угодником Брюммера, и не любил никого из своих приближенных, потому что они его стесняли. С десятилетнего возраста Петр III обнаружил склонность к пьянству. Его понуждали к чрезмерному представительству и не выпускали из виду ни днем, ни ночью. Кого он любил всего более в детстве и в первые годы своего пребывания в России, так это были два старых камердинера: один – Крамер, ливонец, другой – Румберг, швед. Последний был ему особенно дорог. Это был человек довольно грубый и жесткий, из драгунов Карла XII. Брюммер, а следовательно и Бергхольц, который на все смотрел лишь глазами Брюммера, были преданы принцу, опекуну и правителю; все остальные были недовольны этим принцем и еще более его приближенными. Вступив на русский престол, императрица Елизавета послала в Голштинию камергера Корфа вызвать

племянника, которого принц-правитель и отправил немедленно, в сопровождении обер-гофмаршала Брюммера, обер-камергера Бергхольца и камергера Дукера, приходившагося племянником первому. Велика была радость императрицы по случаю его пребывания. Немного спустя она отправилась на коронацию в Москву. Она решила объявить этого принца своим наследником. Но прежде всего он должен был перейти в православную веру. Враги обер-гофмаршала Брюммера, а именно – великий канцлер граф Бестужев и покойный граф Никита Панин, который долго был русским посланником в Швеции, утверждали, что имели в своих руках убедительный доказательства, будто Брюммер с тех пор, как увидел, что императрица решила объявить своего племянника предполагаемым наследником престола, приложил столько же старания испортить ум и сердце своего воспитанника, сколько заботился раньше сделать его достойным шведской короны. Но я всегда сомневалась в этой гнусности и думала, что воспитание Петра III оказалось неудачным по стечению несчастных обстоятельств. Передам, что я видела и слышала, и это разъяснит многое. Я увидела Петра III в первый раз, когда ему было одиннадцать лет, в Эйтине у его опекуна, принца-епископа Любекскаго. Через несколько месяцев после кончины герцога Карла-Фридриха, его отца, принц-епископ собрал у себя в Эйтине в 1739 году всю семью, чтобы ввести в нее своего питомца. Моя бабушка, мать принца-епископа, и моя мать, сестра того же принца, приехали туда из Гамбурга со мною. Мне было тогда десять лет. Тут были еще принц Август и принцесса Анна, брат и сестра принца-опекуна и правителя Голштинии. Тогда-то я и слышала от этой собравшейся вместе семьи, что молодой герцог склонен к пьянству и что его приближенные с трудом препятствовали ему напиваться за столом, что он был упрям и вспыльчив, что он не любил окружающих и особенно Брюммера, что, впрочем, он выказывал живость, но был слабаго и хилаго сложения. Действительно, цвет лица у него был бледен и он казался

тощим и слабого телосложения. Приближенные хотели выставить этого ребенка взрослым и с этой целью стесняли и держали его в принуждении, которое должно было вселить в нем фальшь, начиная с манеры держаться и кончая характером.

Как только прибыл в Россию голштинский двор, за ним последовало и шведское посольство, которое прибыло, чтобы просить у императрицы ее племянника для наследования шведского престола. Но Елизавета, уже объявившая свои намерения, как выше сказано, в предварительных статьях мира в Або, ответила шведскому сейму, что она объявила своего племянника наследником русского престола и что она держалась предварительных статей мира в Або, который назначал Швеции предполагаемым наследником короны принца-правителя Голштинии. (Этот принц имел брата, с которым императрица Елизавета была помолвлена после смерти Петра I. Этот брак не состоялся, потому что принц умер от оспы через несколько недель после обручения; императрица Елизавета сохранила о нем очень трогательное воспоминание и давала тому доказательства всей семье этого принца). Итак, Петр III был объявлен наследником Елизаветы и русским великим князем, вслед за исповеданием своей веры по обряду православной церкви; в наставники ему дали Симеона Теодорского, ставшего потом архиепископом Псковским. Этот принц был крещен и воспитан по лютеранскому обряду, самому суровому и наименее терпимому, так как с детства он всегда был неподатлив для всякаго назидания. Я слышала от его приближенных, что в Киле стоило величайшаго труда посылать его в церковь по воскресеньям и праздникам и побуждать его к исполнению обрядностей, какия от него требовали, и что он большей частью проявлял неверие. Его Высочество позволял себе спорить с Симеоном Теодорским относительно каждого пункта; часто призывались его приближенные, чтобы решительно прервать схватку и умерить пыл, какой в нее вносили; наконец с большой горечью он

покорялся тому, чего желала императрица, его тетка, хотя он и не раз давал почувствовать, по предубеждению ли, по привычке ли, или из духа противоречия, что предпочел бы уехать в Швецию, чем оставаться в России. Он держал при себе Брюммера, Бергхольца и своих голштинских приближенных, вплоть до своей женитьбы; к ним прибавили, для формы, нескольких учителей: одного, Исаака Веселовского, для русского языка – он изредка приходил к нему вначале, а потом и вовсе не стал ходить; другого – профессора Штелина, который должен был обучать его ма-тематике и истории, а в сущности играл с ним и служил ему чуть не шутком. Самым усердным учителем был Ланлэ, балетмейстер, учивший его танцам. В своих внутренних покоях великий князь в ту пору только и занимался, что устраивал военные учения с кучкой людей, данных ему для комнатных услуг; он то раздавал им чины и отличия, то лишал их всего, смотря по тому, как вздумается. Это были настоящие детские игры и постоянное ребячество; вообще он был еще очень ребячлив, хотя ему минуло шестнадцать лет в 1744 году, когда русский двор находился в Москве. В этом именно году Екатерина II прибыла со своей матерью 9-го февраля в Москву. Русский двор был тогда разделен на два больших лагеря или партии. Во главе первой, начинавшей подниматься после своего упадка, был вице-канцлер, граф Бестужев-Рюмин; его несравненно больше боялись, чем любили; это был чрезвычайный пройдоха, подозрительный, твердый и неустрашимый, по своим убеждениям довольно-таки властный, враг непримиримый, но друг своих друзей, которых оставлял лишь тогда, когда они повертывались к нему спиной, впрочем, неуживчивый и часто мелочный. Он стоял во главе коллегии иностранных дел; в борьбе с приближенными императрицы он, перед поездкой в Москву, потерпел урон, но начинал оправляться; он держался Венского двора, Саксонского и Англии. Приезд Екатерины II и ее матери не доставлял ему удовольствия. Это было тайное дело враждебной ему партии; враги графа

Бестужева были в большом числе, но он их всех заставлял дрожать. Он имел над ними преимущество своего положения и характера, которое давало ему значительный перевес над политиками передней. Враждебная Бестужеву партия держалась Франции, Швеции, пользовавшейся покровительством ея, и короля Пруссаго; маркиз де-ла-Шетарди был ея душою, а двор, прибывший из Голштинии, – матадора-ми; они привлекли графа Лестока, одного из главных деятелей переворота, который возвел покойную императрицу Елизавету на русский престол. Этот последний пользовался большим ея доверием; он был ея хирургом с кончины Екатерины I, при которой находился, и оказывал матери и дочери существенные услуги; у него не было недостатка ни в уме, ни в уловках, ни в пронырстве, но он был зол и сердцем черен и гадок. Все эти иностранцы поддерживали друг друга и выдвигали вперед графа Михаила Воронцова, который тоже принимал участие в перевороте и сопровождал Елизавету в ту ночь, когда она вступила на престол. Она заставила его жениться на племяннице императрицы Екатерины I, графине Анне Карловне Скавронской, которая была воспитана с императрицей Елизаветой и была к ней очень привязана. К этой партии примкнул еще граф Александр Румянцев, отец фельдмаршала, подписавшего в Або мир со шведами, о котором не очень-то совещались с Бестужевым. Они рассчитывали еще на генерал-прокурора князя Трубецкого, на всю семью Трубецких и, следовательно, на принца Гессен-Гомбургскаго, женатого на принцессе этого дома. Этот принц Гессен-Гомбургский, пользовавшийся тогда большим уважением, сам по себе был ничто и значение его зависело от многочисленной родни его жены, коей отец и мать были еще живы; эта последняя имела очень большой вес. Остальных приближенных императрицы составляли тогда семья Шуваловых, которые колебались на каждом шагу, обер-егермейстер Разумовский, который в то время был признанным фаворитом, и один епископ. Граф Бестужев умел извлекать из них пользу, но

его главной опорой был барон Черкасов, секретарь Кабинета императрицы, служивший раньше в Кабинете Петра I. Это был человек грубый и упрямый, требовавший порядка и справедливости и соблюдения во всяком деле правил. Остальные придворные становились то на ту, то на другую сторону, смотря по своим интересам и повседневным видам. Великий князь, казалось, был рад приезду моей матери и моему. Мне шел пятнадцатый год; в течение первых десяти дней он был очень занят мною; тут же и в течение этого короткого промежутка времени я увидела и поняла, что он не очень ценит народ, над которым ему суждено было царствовать, что он держался лютеранства, не любил своих приближенных и был очень ребячлив. Я молчала и слушала, чем снискала его доверие; помню, он мне сказал, между прочим, что ему больше всего нравится во мне то, что я его троюродная сестра, и что в качестве родственника он может говорить со мной по душе, после чего сказал, что влюблен в одну из фрейлин императрицы, которая была удалена тогда от двора, в виду несчастья ее матери, некоей Лопухиной, сосланной в Сибирь; что ему хотелось бы на ней жениться, но что он покоряется необходимости жениться на мне, потому что его тетка того желает. Я слушала, краснея, эти родственные разговоры, благодаря его за скорое доверие, но в глубине души я взирала с изумлением на его неразумие и недостаток суждения о многих вещах. На десятый день после моего приезда в Москву как-то в субботу императрица уехала в Троицкий монастырь. Великий князь остался с нами в Москве. Мне дали уже троих учителей: одного, Симеона Теодорского, чтобы наставлять меня в православной вере; другого, Василия Ададунова, для русского языка, и Ландэ, балетмейстера, для танцев. Чтобы сделать более быстрые успехи в русском языке, я вставала ночью с постели и, пока все спали, заучивала наизусть тетради, который оставлял мне Ададунов; так как комната моя была теплая и я вовсе не освоилась с климатом, то я не обувалась -- как вставала с постели, так и училась. На тринадцатый день я схватила

плеврит, от которого чуть не умерла. Он открылся ознобом, который я почувствовала во вторник после отъезда императрицы в Троицкий монастырь: в ту минуту, как я оделась, чтобы идти обедать с матерью к великому князю, я с трудом получила от матери позволение пойти лечь в постель. Когда она вернулась с обеда, она нашла меня почти без сознания в сильном жару и с невыносимой болью в боку. Она вообразила, что у меня будет оспа, послала за докторами и хотела, чтобы они лечили меня сообразно с этим; они утверждали, что мне надо пустить кровь; мать ни за что не хотела на это согласиться; она говорила, что доктора дали умереть ее брату в России от оспы, пуская ему кровь, и что она не хотела, чтобы со мной случилось то же самое. Доктора и приближенные великаго князя, у котораго еще не было оспы, послали в точности доложить императрице о положении дела, и я оставалась в постели, между матерью и докторами, которые спорили между собою. Я была без памяти в сильном жару и с болью в боку, которая заставляла меня ужасно страдать и издавать стоны, за которые мать меня бранила, желая, чтобы я терпеливо сносила боль. Нако-нец, в субботу вечером, в семь часов, т.е. на пятый день моей болезни, императрица вернулась из Троицкаго монастыря и прямо по выходе из кареты вошла в мою комнату и нашла меня без сознания. За ней следовали граф Лесток и хирург; выслушав мнение докторов, она села сама у изголовья моей постели и велела пустить мне кровь. В ту минуту, как кровь хлынула, я пришла в себя и, открыв глаза, увидела себя на руках у императрицы, которая меня приподнимала. Я оставалась между жизнью и смертью в течение двадцати семи дней, в продолжение которых мне пускали кровь шестнадцать раз и иногда по четыре раза в день. Мать почти не пускали больше в мою комнату; она по-прежнему была против этих частых кровопусканий и громко говорила, что меня уморят; однако, она начинала убеждаться, что у меня не будет оспы. Императрица приставила ко мне графиню Румянцеву и несколько других женщин, и ясно

было, что суждению матери не доверяли. Наконец нарыв, который был у меня в правом боку, лопнул, благодаря стараниям доктора португальца Санхеца; я его выплюнула со рвотой и с этой минуты я пришла в себя; я тотчас же заметила, что поведение матери во время моей болезни повредило ей во мнении всех. Когда она увидела, что мне очень плохо, она захотела, чтобы ко мне пригласили лютеранского священника; говорят, меня привели в чувство или воспользовались минутой, когда я пришла в себя, чтобы мне предложить это, и что я ответила: «зачем же? пошлите лучше за Симеоном Теодорским, я охотно с ним поговорю». Его привели ко мне, и он при всех так поговорил со мной, что все были довольны. Это очень подняло меня во мнении императрицы и всего двора. Другое очень ничтожное обстоятельство еще повредило матери. Около Пасхи, однажды утром, матери вздумалось прислать сказать мне с горничной, чтобы я ей уступила голубую с серебром материю, которую брат отца подарил мне перед моим отъездом в Россию, потому что она мне очень понравилась. Я велела ей сказать, что она вольна ее взять, но что, право, я ее очень люблю, потому что дядя мне ее подарил, видя, что она мне нравится. Окружавшие меня, видя, что я отдаю материю скрепя сердце, и в виду того, что я так долго лежу в постели, находясь между жизнью и смертью и что мне стало лучше всего дня два, стали между собою говорить, что весьма неразумно со стороны матери причинять умирающему ребенку малейшее неудовольствие и что вместо желания отобрать эту материю она лучше бы сделала, не упоминая о ней вовсе. Пошли рассказать это императрице, которая немедленно прислала мне несколько кусков богатых и роскошных материй и, между прочим, одну голубую с серебром; это повредило матери в глазах императрицы: ее обвинили в том, что у нея вовсе нет нежности ко мне, ни бережности. Я привыкла во время болезни лежать с закрытыми глазами; думали, что я сплю, и тогда графиня Румянцова и находившиеся при мне женщины говорили между собой о том, что у них

было на душе, и таким образом я узнавала массу вещей. Когда мне стало лучше, великий князь стал приходить проводить вечера в комнате матери, которая была также и моею. Он и все, казалось, следили с живейшим участием за моим состоянием. Императрица часто проливала об этом слезы. Наконец, 21 апреля 1744 года, в день моего рождения, когда мне пошел пятнадцатый год, я была в состоянии по-явиться в обществе, в первый раз после этой ужасной болезни. Я думаю, что не слишком-то довольны были моим видом; я похудела, как скелет, выросла, но лицо и черты мои удлиннились; волосы у меня падали, и я была бледна смертельно. Я сама находила, что страшна, как пугало, и не могла узнать себя. Императрица прислала мне в этот день банку румян и приказала нарумяниться. С наступлением весны и хорошей погоды великий князь перестал ежедневно посещать нас; он предпочитал гулять и стрелять в окрестностях Москвы. Иногда, однако, он приходил к нам обедать или ужинать, и тогда снова продолжались его ребяческие откровенности со мною, между тем как его приближенные беседовали с матерью, у которой бывало много народу и шли всевозможные пересуды, которые не нравились тем, кто в них не участвовал, и, между прочим, графу Бестужеву, коего враги все собирались у нас; в числе их был маркиз де-ла-Шетарди, который еще не воспользовался ни одним полномочием французского двора, но имел свои верительные посольские грамоты в кармане. В мае месяце императрица снова уехала в Троицкий монастырь, куда мы с великим князем и матерью за ней последовали. Императрица стала с некоторых пор очень холодно обращаться с матерью; в Троицком монастыре выяснилась причина этого. Как-то после обеда, когда великий князь был у нас в комнате, императрица вошла внезапно и велела матери идти за ней в другую комнату. Граф Лесток тоже вошел туда; мы с великим князем сели на окно, выжидая. Разговор этот продолжался очень долго, и мы видели, как вышел Лесток; проходя, он подошел к великому

князю и ко мне — а мы смеялись — и сказал нам: «этому шумному веселью сейчас конец»; потом, повернувшись ко мне, он сказал: «вам остается только укладываться, вы тотчас отправитесь, чтобы вернуться к себе домой». Великий князь хотел узнать, как это; он ответил: «об этом после узнаете», и ушел исполнять поручение, которое было на него возложено и котораго я не знаю. Великому князю и мне он предоставил размыслить над тем, что он нам только что сказал; первый разсуждал вслух, я — про себя. Он сказал: «но если ваша мать и виновата, то вы не виновны», я ему ответила: «долг мой — следовать за матерью и делать то, что она прикажет». Я увидела ясно, что он покинул бы меня без сожаленья; что меня касается, то, в виду его настроения, он был для меня почти безразличен, но не безразлична была для меня русская корона. Наконец дверь спальни отворилась, и императрица вышла оттуда с лицом очень красным и с видом разгневанным, а мать шла за нею с красными глазами и в слезах. Так как мы спешили спуститься с окна, на которое влезли и которое было довольно высоко, то у императрицы это вызвало улыбку, и она поцеловала нас обоих и ушла. Когда она вышла, мы узнали приблизительно, в чем было дело. Маркиз де-ла-Шетарди, который прежде, или, вернее сказать, в первое свое путешествие или миссию в Россию пользовался большою милостью и доверием императрицы, в этот второй приезд или миссию очень обманулся во всех своих надеждах. Разговоры его были скромнее, чем письма; эти последние были полны самой едкой желчи; их вскрыли и разобрали шифр; в них нашли подробности его бесед с матерью и многими другими лицами о современных делах, разговоры насчет императрицы заключали выражения мало осторожный. Граф Бестужев не преминул вручить их императрице и так как маркиз де-ла-Шетарди не объявил еще ни одного из своих полномочий, то дан был приказ выслать его из империи; у него от-няли орден Св. Андрея и портрет императрицы, но оставили все другие подарки из брильянтов, какие он имел от этой

государыни. Не знаю, удалось ли матери оправдаться в глазах императрицы, но, как бы то ни было, мы не уехали; с матерью однако продолжали обращаться очень сдержанно и холодно. Не знаю, что говорилось между нею и де-ла-Шетарди, но знаю, что однажды он обратился ко мне и поздравил, что я причесана en Moÿse; я ему сказала, что в угоду императрице буду причесываться на все фасоны, какие могут ей понравиться; когда он услышал мой ответ, он сделал пируэт налево, ушел в другую сторону и больше ко мне не обращался.

Ответьте на следующие вопросы:

1. Когда и в каких исторических условиях были написаны «Собственноручные записки императрицы Екатерины II»?
2. Что вы знаете об авторе этого источника?
3. Какой период охватывает изложение событий в представленном отрывке?
4. Как соотносены в тексте события общественно-политической жизни России и автобиографические сведения о самой Екатерине II? Можно ли считать это источник мемуарной автобиографией и почему?
5. Как отражены в «Собственноручных записках» повседневные и бытовые сюжеты?
6. В чем заключена гендерная специфика данного источника личного происхождения?

Для справки:

«Собственноручные записки императрицы Екатерины II» были написаны ей на французском языке и попали к Павлу I вместе с завещанием Екатерины II в пакете, надписанном «Его Императорскому Высочеству Великому князю Павлу Петровичу, моему любезнейшему сыну». Долгое время они хранились под грифом «Особой секретности», наложенным Павлом I. Только в 1859 году значительная

часть мемуаров была опубликована опубликовал в Лондоне А.И. Герценом. Лишь в 1907 г. «Записки» были впервые опубликованы в России на языке оригинала, и в том же году издательство Суворина выпустило их русский перевод. Записки охватывают первые пятнадцать лет жизни Императрицы Екатерины II в России: с момента приезда принцессы Ангальт-Цербстской, будущей Екатерины II, в Москву в 1744 году, — до 1758 года.

Тема 9

Источники личного происхождения XIX – начала XX в.

Вопросы:

1. Эволюция источников личного происхождения в XIX– начале XX в.
Количественные и качественные изменения в их составе.
2. Эмансипация человеческой индивидуальности и обретение биографической самоидентификации в русском обществе XIX в.
Мемуары-автобиографии государственных, общественных, политических деятелей, деятелей науки и культуры.
3. Завершение становления исторического сознания русского общества.
Мемуары – «современные истории» как статусы исторического свидетельства. Корпусы мемуарных свидетельств, порожденных общественно значимым событием (мемуары об Отечественной войне 1812 г.)
4. Роль периодической печати XIX–начала XX в. в распространении и популяризации мемуаров. Инициация написания и публикация мемуаров в журналах «Сын Отечества», «Отечественные записки», «Москвитянин», «Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник» и др.
Публикация «разрешенных» и «запрещенных» мемуаров в России и за рубежом. Влияние цензуры.

5. Развитие и распространение дневникового и эпистолярного жанра в XIX–начале XX в.
6. Эссе и исповеди как новые разновидности источников личного происхождения в России XIX – начала XX в. Причины недостаточной распространенности и малочисленности в российском культурном пространстве.

Задание:

Прочитайте отрывок из «Воспоминаний о деле Веры Засулич» А.Ф. Кони (Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич. [М.]; [Лг.]: Academia, 1933. URL: [http: Litmir>br/?b=60667&p](http://litmir.ru/?b=60667&p))

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

Шестого декабря 1876 г., прилегли отдохнуть перед обедом у себя в кабинете, в доме министерства юстиции, на Малой Садовой, я был вскоре разбужен горько-удушливым запахом дыма и величайшей суматохой, поднявшейся по всему огромному генерал-прокурорскому дому. Оказалось, что в канцелярии от неизвестной причины (день был воскресный) загорелись шкафы, и пламя проникло в верхний этаж. Горел пол в кабинете помощника правителя канцелярии Корфа и начинал прогорать и у меня, в обширной пустой комнате, которая называлась у моего предместника по должности вице-директора А. А. Сабурова «детской».

На внутренней лестнице толпились испуганные чиновники, курьеры; вскоре показались во всех углах пожарные, пришел встревоженный министр, граф Пален, мелькнула фигура градоначальника Трепова. Опасность была устранена очень быстро. Пожарные действовали мастерски и Пален, в порыве великодушия, на казенный счет велел им выдать 1000 рублей серебром в счет скудных остатков по министерству юстиции за сметный год. Из этой же суммы было почерпнуто и пособие тоже в одну или полторы тысячи на поправление сгоревшего кабинета

барона Корфа, хотя и до и после пожара кабинет неизменно состоял из двух-трех старых столов, дрянной сборной мебели и бесчисленного количества папиросных мундштучков всех форм и величин. Еще не утихли беготня и беспорядок в моих комнатах и на прилегающих лестницах, еще у меня в кухне старались привести в чувство захлебнувшегося дымом пожарного, как Пален прислал за мною, прося прибыть немедленно.

Я застал у него в кабинете: Трепова, прокурора палаты Фукса, товарища прокурора Поскочина и товарища министра Фриша. Последний оживленно рассказывал, что, проходя час назад по Невскому, он был свидетелем демонстрации у Казанского собора, произведенной группой молодежи «нигилистического пошиба», которая была прекращена вмешательством полиции, принявшейся бить демонстрирующих... Ввиду несомненной важности такого факта в столице, среди бела дня, он поспешил в министерство и застал там пожар и Трепова, подтвердившего, что кучка молодых людей бесчинствовала и носила на руках какого-то мальчика, который помахивал знаменем с надписью: «Земля и воля». При этом Трепов рассказал, что все они арестованы, - один сопротивлявшийся был связан, - и некоторые, вероятно, были вооружены, так как на земле был найден револьвер. То же повторили Фукс и Поскочин, приступившие уже к политическому дознанию по закону 19 мая 1871 г.

Пален после обычных «охов» и «ахов», то заявляя, что надо за чем-то ехать тотчас же к государю, то снова интересуясь подробностями, спросил, наконец, Фриша и меня, как мы думаем, что следует предпринять? Вопрос был серьезный. Министр был в нерешительности и подавлен непривычностью происшедшего события, а Трепов, который, конечно, в тот же день и, во всяком случае, не позже утра следующего дня стал бы докладывать государю и притом в том смысле, как бы на него повлияло совещание у министра юстиции, ждал и внимательно слушал. Революционная пропаганда впервые выходила на улицу, громко о себе заявляя, и сохранить по отношению к ней хладнокровие и спокойную законность значило

проявить не слабость, а силу и дать камертон всем делам подобного рода на будущее время. Я ждал ответа Фриша с тревогой, зная по многократным прежним опытам, что для удержания Палена от необдуманного или поспешного и произвольного шага – на него надежда плохая. «Что делать?» – сказал Фриш, и, медленно оглянув всех своим холодным, стальным взглядом, он приподнял обе руки, сжал на них указательные и большие пальцы и, быстрым движением отдернув одну от другой книзу, как будто вытягивая шнурок, сделал выразительный щелчок языком... «Как? – невольно вырвалось у меня, – повесить? Да вы шутите?!» Не отвечая мне, он наклонил голову по направлению к Палену и сказал спокойно и решительно: «Это – единственное средство!» Прирожденная порядочность и сердечная доброта Фукса проступила сквозь тину слепого усердия по политическим дознаниям, в которую он погрузился, к счастью, лишь на время, и он, растягивая слова и выражаясь по обыкновению запутанно, стал, однако, протестовать против такого взгляда. Пален взглянул на меня вопросительно, и я сказал, что для меня это дело так еще неясно, что даже и начатие дознания по закону 19 мая кажется мне преждевременным. То, что произошло на Казанской площади, представляется нарушением порядка на улице, по которому следует предоставить полиции произвести обыкновенное расследование. Если обнаружатся признаки политического преступления, то никогда не поздно передать дело жандармам. Все арестованы, вещественные доказательства взяты, следовательно, правосудие и безопасность ничего потерять не могут, а общественное спокойствие и достоинство власти только выиграют, если дело не будет преждевременно раздуто до несвойственных ему размеров. Что же касается до взгляда Фриша, то я думаю, что он не говорит и не думает в данном случае серьезно... Фукс и Поскочин стали доказывать, что дознание уже начато, а Фриш холодно сказал:

«Я уже высказал свое мнение: оно основано на статье Уложения о наказаниях». Пален, видимо, не разделяя его мнения, опять поохал и поахал; по обыкновению, с

детской злобой в лице, назвал участников демонстрации «мошенниками» и, ни на что не решившись, отпустил нас...

Этот день был во многих отношениях роковым для многих из нас, и, в сущности, из всех связанных с ним последующих событий один лишь Фриш выбрался благополучно. И вот ирония судьбы: Фуксу, смутившемуся предложением Фриша и бывшему всегда, по совести, противником смертной казни, пришлось через четыре с половиной года подписать смертный приговор Желябову, Перовской и их товарищам и все-таки вызвать против себя упреки «за неуместную мягкость», выразившуюся в том, что он позволил уже признанным виновными подсудимым поговорить между собой на скамье подсудимых, покуда особое присутствие писало неизбежную резолюцию о лишении их жизни через повешение. А Фриш через пять с половиной лет, забыв свое многозначительное «щелкание», подписал журнал Комиссии по составлению нового Уложения о наказаниях, в котором приводились всевозможные доводы против смертной казни, и хотя она и удерживалась ввиду исключительных обстоятельств для особо важных политических преступлений, но мудрости Государственного совета коварно и лукаво представлялось разделить взгляды Комиссии и отменить смертную казнь и по этим преступлениям, а, идя со мною за гробом М. Е. Ковалевского через шесть лет, он же доказывал, что казнь «мартистов» была политической ошибкой и что Россия не может долго существовать с тем образом правления, которым ее благословил господь... *Tempora mutantur!*

Демонстрация 6 декабря 1876г., совершенно беспочвенная, вызвала со стороны общества весьма равнодушное к себе отношение. Извозчики и приказчики из лавок бросались помогать полиции и бить кнутами и кулаками «господ и девок в платках». Один наблюдатель уличной жизни рассказывал Боровиковскому про купца, который говорил: «Вышли мы с женой и дитей погулять на Невский; видим, у Казанского собора драка... я поставил жену и дите к Милютиным лавкам, засучил рукава, влез в толпу и — жаль только двоим и успел порядком дать по шее...

торопиться надо было к жене и дите – одни ведь остались!» – «Да кого же и за что вы ударили?» – «Да кто их знает, кого, а только как же, помилуйте, вдруг вижу, бьют: не стоять же сложа руки?! Ну, дал раза два кому ни на есть, потешил себя - и к супруге...»

Но в истории русских политических процессов демонстрация эта играет важную роль. С нее начался ряд процессов, обращавших на себя особое внимание и окрасивших собою несколько лет внутренней жизни общества. Громадный процесс по жихаревскому делу еще только подготавливался, а процессы о пропаганде, или, как они назывались даже у образованных лиц из прокуратуры, «о распространении пропаганды», велись неслышно, без всякого судебного «спектакля», в особом присутствии сената. Это были отдельные, не связанные между собой дела о чтении и распространении «вредных книг», вроде «Сказки о четырех братьях», «Сказки о копейке» или «Истории французского крестьянина», очень талантливо переделанной из романа Эркман-Шатриана. В них революционная партия преследовалась за развитие и распространение своего «образа мыслей», в деле же о преступлении 6 декабря впервые выступал на сцену ее «образ действий».

Эти отдельные процессы не привлекали ничьего внимания, кроме кружка юристов, среди которых иногда ходили слухи, что первоприсутствующий особого присутствия с 1874 года сенатор Александр Григорьевич Евреинов ведет себя весьма неприлично, раздражительно, злобно придираясь к словам подсудимых и вынося не в меру суровые приговоры. Слухи эти были не лишены основания.

Сухой, изможденный старик, с выцветшими глазами и лицом дряхлого сатира, Евреинов представлял все задатки «судии неправедного», пригодного для усердного и успешного ведения политических дел. Я помню, что раз, летом 1875 года, я встретил его утром на Петергофском пароходе, шедшем в Петербург. «Вот еду судить этих мерзавцев, – сказал он мне, – опять с книжками попались, да так утомлен, что не знаю, как и буду вести дело. Вчера государю угодно было

потребовать институток Смольного института в Петергоф, ну и я, как почетный опекун, должен был с ними кататься и всюду разъезжать, а потом после обеда в Монплезир приехал он с великими князьями и приказал институткам танцевать, шутил, дарил им конфеты и т. д. Пришлось все время быть на ногах, а тут еще сам подходит ко мне и с улыбкой спрашивает: "А ты, старик, что же не идешь плясать?"

Я отвечаю: "Прикажете, государь, и я танцевать стану!" – "Нет, не нужно", – милостиво ответил мне он. А тут вот это дело – суди эту сволочь, – уж где мне после вчерашнего-то дня!»

Но как бы то ни было, процессы эти велись как-то особо от хода всей судебной жизни и нимало на нее не влияли. Совершенно иначе стало дело с 6 декабря. Во-первых, оно пошло ускоренным путем, ибо к нему уже был применен возмутительный в процессуальном смысле порядок, по которому дознание уже не обращалось к следствию, а прямо вело к судебному рассмотрению, то есть ставило человека на скамью подсудимых без предварительного исследования его вины компетентными лицами и узаконенными способами. Этот порядок был принят по настоянию Палена, которому наскучило долгое производство следствий по политическим делам и которому Фриш указал на 545 статью Устава уголовного судопроизводства, по-видимому, воздержавшись от указания на то, что отсутствие следствия в общем порядке судопроизводства связано с обсуждением дела в двух инстанциях по существу и с обвинениями, не влекущими даже ограничения прав состояния; здесь же дело разбиралось в одной инстанции и могло влечь за собой даже смертную казнь. Тщетно боролся я против этого явного нарушения основных начал уголовного процесса. Когда никакие словесные убеждения не помогли, когда Пален упорно стоял на своем, твердя на мои разъяснения, что нечего этим мерзавцам давать гарантии двух инстанций, и приказал, наконец, по уголовному отделению представить ему отношение к шефу жандармов относительно введения такого порядка, без сомнения для последнего очень желательного, - я написал ему письмо, в котором всячески доказывал вред и полную незаконность

предполагаемой меры. Дня через два Пален, при моем докладе, сказал: «Я очень вам благодарен за ваше письмо, хотя я с ним все-таки не согласился и уже вошел в соглашение с шефом жандармов, но оно заставило меня еще раз обдумать вопрос, - быть может, я и не-прав, но я вынужден на такую меру; все эти Крохты и Гераковы (члены палат, производившие следствие по политическим делам) надоели мне ужасно, я не хочу больше иметь с ними дела, а ваше письмо прикажу приложить к производству: пусть оно останется как след вашего протеста». Но я взял это письмо из дела и прилагаю к настоящей рукописи как один из многих знаков бесплодной борьбы за право и законность с этим тупым человеком.

Во-вторых, был назначен другой первоприсутствующий – Тизенгаузен, человек живой и энергичный, и дело было пущено уже в январе в зале заседаний окружного суда, при искусственно возбужденном интересе. Процесс окончился осуждением почти всех обвиняемых и в том числе в качестве главного виновного студента С.-Петербургского университета Боголюбова, который был приговорен к каторге.

Процесс этот имел в числе своих последствий один трогательный эпизод. Вскоре по произнесении приговора, в числе прочих и над неким воспитанником Академии художеств Поповым, личностью весьма мало симпатичною во всех отношениях, присужденным к поселению в Сибири, ко мне явилась девушка калмыцкого типа, с добрыми, огромными навывкате черными глазами и румяным широкоскулым лицом – нечто вроде Плевако в юбке – и принесла письмо от секретаря цесаревича, в котором тот просил от имени цесаревича удовлетворить ходатайства гр-ки Товбич. Так звали эту девушку. Ходатайство состояло в разрешении обвенчаться с Поповым до его отправления в Сибирь, так как она желала следовать за ним в качестве жены. Просьба была настойчивая и слезная, и контуры стана просительницы показывали, что эта настойчивость имеет свои основания. Я обещал выхлопотать разрешение у Палена, который не допускал прокурора палаты самого разрешать такие вопросы и вместе с тем просил Оома

написать ему официальное отношение. Но у Палена я встретил неожиданный и яростный отказ. Он кричал, что это «все – девки!», что он не намерен «содействовать разврату» и т. п. Пришлось утешать слабыми надеждами Товбич, которая трепетала, как птица в клетке, и овладеть Паленом путем нескольких периодических атак. Наконец, он сдался на то, чтобы родителям Товбич, жившим в Екатеринославской губернии, было написано о желании их дочери связать свою судьбу с политическим ссыльным и испрашено их разрешение на брак, в даче которого Пален сильно сомневался. Я сам написал местному исправнику конфиденциальное письмо и вскоре был получен ответ с подписью родителей, которые заявляли, что дочь их уже давно живет самостоятельной жизнью, и что они не желают вмешиваться в ее выбор.

Это не удовлетворило, однако, Палена; он потребовал, чтобы местный прокурор лично объяснился с родителями Товбич. Ввиду болезненного состояния ее матери прокурор объяснился лишь с отцом и донес, что последний, зная силу привязанности дочери к Попову, не только разрешает ей брак, но даже просит ему не препятствовать, и «покровительство разврату» совершилось в тюремной церкви. Года через два я получил от Товбич-Поповой письмо из Якутска, в котором она писала, что родила сына, что они живут с мужем счастливо и совершенно безбедно... Товбич начинала письмо словами: «В некотором роде памятный мне Анатолий Федорович», а кончила короткой припиской: «Сына моего я назвала Анатолием».

Вслед за процессом по казанскому делу слушался в феврале 1877 года процесс «50-ти», подготовленный в Москве и обнимавший разные группы обвиняемых, искусственно между собой связанные по существовавшему в Москве методу соединять однородные дела в одно, придавая ему громкое название вроде «дело червонных валетов» и т. д. По делу «50-ти» судебное следствие велось очень бурно. Обвиняемые делали разные заявления резкого свойства, судьи теряли самообладание...

В воздухе носилась тревога и озлобление, и впервые новый суд делался ареною личных препирательств между судьями и утратившими доверие к их беспристрастию раздраженными подсудимыми. Многие из этих подсудимых выказывали полное равнодушие к ожидавшему их наказанию и лишь пользовались случаем высказать излюбленные теории и мрачно утопические надежды. Особенно потрясающее впечатление произвела своей энергией речь рабочего Петра Алексеева, и смущенный и растерявшийся председатель выслушал, не останавливая его, воззвание о скорейшем приходе того времени, когда мозолистый кулак рабочего сотрет с лица русской земли самодержавное самовластие и все гнилые учреждения, которые его поддерживают. На подобные выступления судьи отвечали явным проявлением раздражения и гнева и принимали невольно характер стороны в процессе, не могущей относиться хладнокровно к разворачивающейся перед нею судебной драме.

Ответьте на следующие вопросы:

1. Что вам известно о главной героине воспоминаний А.Ф. Кони Вере Засулич? Какой эпизод из ее биографии положен в основу воспоминаний?
2. Кто такой А.Ф. Кони? Когда и где были написаны его «Воспоминания о Вере Засулич»?
3. Какую роль сыграли эти воспоминания в создании позитивного образа А.Ф. Кони как примера «несгибаемости» перед начальством и воплощения идеалов «судейской совести»?
4. Какие политические события и исторические персонажи упоминаются в тексте воспоминаний? Как их характеризует автор?
5. Каково значение этого источника для истории изучения политического террора в России в последней четверти XIX в.?

Для справки:

А.Ф. Кони (1844 – 1927) — русский юрист, судья, государственный и общественный деятель, литератор, судебный оратор. В 1878 году суд присяжных под председательством А. Ф. Кони вынес оправдательный приговор по делу Веры Засулич.

Тема 10

Развитие мемуаристики в советский и постсоветский периоды

Вопросы:

1. Источники личного происхождения и мемуары. Особенности советских мемуаров как источника. Классификация советских мемуаров.
2. Историческая эволюция советских мемуаров. Особенности их изучения.
3. Мемуары эмигрантов.
4. Литературная запись и принципы ее источниковедческой критики.
5. Советские дневники. Формы дневниковых записей. Особенности создания и хранения. Автор и содержание дневников. Дневники метростроевцев. Дневники писателей. Дневники иностранцев. Источниковедческое значение советских дневников.
6. Письма. Значение и информационная отдача эпистолярных источников советского периода. Письма в средства массовой информации. Письма «вождям». Личная (частная) переписка и ее особенности. Методы анализа писем как исторического источника.
7. Развитие отечественной мемуаристики в конце XX – начале XXI вв. Переосмысление отношения общества к мемуарному наследию страны. Подъем общественного интереса к истории. Ориентированность на массового читателя.

Задание:

Прочитайте отрывок из мемуаров А.Ф. Керенского «Россия на историческом повороте: Мемуары» (Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары: [Пер. с англ.]. М.: Республика, 1993. URL: <http://library.fa.ru>files/kerensky.pdf>).

После полудня 28 августа в соответствии с решением Временного правительства я попросил генерала Алексеева немедленно отправиться в Ставку и принять на себя Верховное командование. Алексейев попросил отсрочки, с тем чтобы изучить относящиеся к этому делу документы. Позже в тот же день Терещенко показал мне телеграмму, полученную от представителя министерства иностранных дел в Ставке князя Григория Трубецкого. В ней говорилось: «Трезво оценивая положение, приходится признать, что весь командный состав, подавляющее большинство офицер-ского состава и лучшие строевые части пойдут за Корниловым. На его сторону встанет в тылу все казачество, большинство военных училищ, а также лучшие строевые части. К физической силе следует присоединить превосходство военной организации над слабостью правительственных организмов, моральное сочувствие всех несоциалистических слоев общества, а в низах растущее недовольство существующими порядками в большинстве же народной и городской массы, притупившейся ко всему, равнодушие, которое подчиняется удару хлыста». И далее: совершенно очевидно, что большинство «мартовских социалистов» без колебаний примкнут к этим силам. Более того, недавние события на фронте и в тылу, в частности в Казани, где недавно был взорван военный арсенал, в полной мере продемонстрировали сокрушительное банкротство существующего строя и неизбежность катастрофы в случае, если не будут осуществлены немедленные и радикальные реформы. Эти соображения оказали решающее воздействие на генерала Корнилова, который пришел к убеждению, что лишь твердость может спасти Россию от падения в пропасть, на краю которой она сейчас находится.

Нет оснований утверждать, будто Корнилов расчищает путь к победе кайзера, поскольку немцы только тем и занимаются сегодня, как захватом наших территорий. «От людей, стоящих ныне у власти, зависит, пойдут ли они навстречу неизбежному перелому, чем сделают его безболезненным и охранят действительно залогом народной свободы. Это писалось в тот период, когда наши войска оказывали настойчивое сопротивление яростному наступлению Германии. сопротивлением примут ответственность за новые неисчислимые бедствия. Я убежден, что только безотлагательный приезд сюда министра-председателя, управляющего военным министерством и Вас для совместного с Верховным главнокомандующим установления основ сильной власти может предотвратить грозную опасность междоусобья». Неудивительно, что князь Трубецкой сообщает, что направил эту телеграмму, содержание которой в основном совпадает с текстом обращения генерала Корнилова к народу, с одобрения генерала. С этого момента перед Временным правительством встала насущная задача устранения из Ставки Верховного командования самых главных заговорщиков из числа военных. Я был исполнен решимости не допустить повторения ситуации, которая сложилась на фронте в первые недели после Февральской революции. А тем временем в обществе продолжали циркулировать слухи относительно так называемого недоразумения, возникшего в результате посредничества Владимира Львова между генералом Корниловым и мной. В некоторых кругах даже утверждали, будто я с самого начала был заодно с Корниловым и неожиданно предал его из-за страха перед «большевистскими Советами», хотя, кстати сказать, в то время в Советах большевики еще не доминировали. Весь день 28 августа меня и других членов кабинета посещали делегации военных и гражданских лиц, предлагая отправиться к генералу Корнилову, с тем чтобы раз и навсегда покончить с «недоразумением». Нет необходимости говорить, что я отверг все эти предложения о примирении. Позднее, после полудня, прочитав все относящиеся

к делу документы, в сопровождении Милюкова меня посетил генерал Алексеев. Оба они выразили мнение, что все еще существует возможность устранить возникшее «недоразумение». Более того, послы Великобритании, Франции и Италии передали через Терещенко «дружеское предложение» о «посредничестве между Керенским и Верховным главнокомандующим генералом Корниловым». Но и они получили тот же ответ, что и другие: я не заинтересован ни в каких предложениях о посредничестве между правительством и мятежным генералом. В этом Временное правительство было абсолютно непреклонным. То было крайне напряженное время для кабинета. Особенно тревожными оказались ночи 28 и 29 августа. Мы были лишены какой-либо информации о настроениях в стране и на фронте, на нас беспрерывно давили посредники всех политических мастей, от правых до левых. К полудню 29 августа все более или менее пришло в норму. Мятежные генералы не получили в армии существенной поддержки. И хотя генерал Корнилов продолжал издавать приказы о захвате столицы, никто их не слушался и они лишь усугубляли положение с дисциплиной в армии. Без ведома Временного правительства в ставку с Западного фронта и из Московского военного округа были отправлены два «подразделения специального назначения». Генерал Деникин и его сообщники были арестованы фронтовым комитетом, который намеревался предать их военно-полевому суду, а телефоны в штабах всех воинских подразделений были взяты под контроль представителями различных комитетов. Под подозрение попали все офицеры. Даже офицеров Балтийского флота, которые не имели никаких связей с Центральным комитетом Союза офицеров армии и флота и не были причастны к заговору, вынудили заявить о преданности делу революции. А 31 августа команда крейсера «Петропавловск» убила четверых молодых офицеров. Положение в вооруженных силах стремительно выходило из-под контроля, и любое промедление в отношении заговорщиков было преступлению подобно. Утром 30 августа мы вместе с Вырубовым посетили генерала Алексеева на его

квартире. Мы были намерены убедить его выполнить свой долг и арестовать генерала Корнилова и его сообщников, а также принять на себя Верховное командование. Наш приход вызвал у генерала бурную вспышку эмоций. Немного успокоившись, он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Выждав самую малость, я ровным голосом произнес: «А как быть с Россией? Мы должны спасти страну». Поколебавшись, он едва слышно сказал: «Я в Вашем распоряжении. Я принимаю должность начальника штаба под Вашим командованием». В растерянности я не знал, что ответить, и тут Вырубов прошептал мне на ухо: «Соглашайтесь». Так я стал Верховным главнокомандующим. Генерал Алексеев на следующий день отправился в Ставку и полностью осуществил все мои указания. Направлявшиеся в Ставку подразделения специального назначения были отозваны, а осадное положение, объявленное заговорщиками в Могилеве, было отменено. 1 сентября я издал следующий приказ: «В связи с выступлением Корнилова нормальная жизнь в армии совершенно расстроилась. Для восстановления порядка приказываю: 1. Прекратить политическую борьбу в войсках и обратить все усилия на нашу боевую мощь, от которой зависит спасение страны. 2. Всем войсковым организациям и комиссарам стать в строгие рамки деловой работы, лишенной политической нетерпимости и подозрительности, ограничиваясь сферой деятельности, совершенно чуждой вмешательству в строевую и оперативную работу начальствующих лиц. 3. Восстановить беспрепятственную перевозку войсковых частей по заданиям командного состава. 4. Безотлагательно прекратить арестование начальников, так как право на означенные действия принадлежит исключительно следственным властям, прокурорскому надзору и образованной мной Чрезвычайной следственной комиссии, уже приступившей к работе. 5. Совершенно прекратить смещение и устранение от командных должностей начальствующих лиц, так как это право принадлежит лишь правомочным органам власти и отнюдь не входит в круг действий организаций.

6. Немедленно прекратить самовольное формирование отрядов под предлогом борьбы с контрреволюционными выступлениями. 7. Немедленно снять контроль с аппаратов, установленный войсковыми организациями. Армия, выразившая в эти тяжелые, смутные дни доверие Временному правительству и мне, как министру-председателю, ответственному за судьбы родины, великим разумом своим должна понять, что спасение страны только в правильной организованности, поддержании полного порядка, дисциплины и в единении всех между собой. К этому я, облеченный доверием армии, зову всех. Пусть совесть каждого проснется и подскажет каждому его великий долг перед родиной в этот грозный час, когда решается ее судьба. Как Верховный главнокомандующий, я требую от всех начальствующих лиц, комиссаров и войсковых организаций неуклонного проведения всего изложенного в жизнь и предвещаю, что уклонение или неисполнение указанных моих приказаний будет в корне подавлено со всей силой, и виновные понесут суровые наказания! Верховный главнокомандующий А. Керенский. Начальник штаба генерал от инфантерии М. Алексеев». Два последних абзаца были написаны мной, остальной текст генералом. Для всех было очевидным, что мятеж Корнилова оказал разрушительное воздействие на всю страну, особенно на армию. Барон Петр Врангель, который начиная с весны 1917 года участвовал в заговорах по свержению Временного правительства и установлению в стране диктатуры и который в конце концов возглавил белую армию в Крыму, так писал о бунте Корнилова: «Недавние события глубоко потрясли армию. Процесс разложения армии, который был почти остановлен, возобновился, создавая угрозу полного развала фронта и, соответственно, всей России». Один из двух членов Временного правительства, которые в самом начале кризиса вышли в отставку, Юренев, в интервью, опубликованном 1 сентября в газете «Русские ведомости», так охарактеризовал попытку переворота: «Что касается до моего мнения о предпринятой ген. Л.Г. Корниловым попытке, то я скажу, что она является

ужасным ударом по восстановлению сил страны. Мы понемногу шли вперед по пути укрепления власти, и то, что сделал Корнилов, жестоко нарушает общую работу. В частности, по поводу моего ухода. Подав в отставку в ночь на 27-е августа, я представил А.Ф. Керенскому возможность непосредственно осуществлять диктаторские права в ведомстве, которым я до того времени заведывал. С 27-го я фактически не принимал никакого участия в управлении и 27 передал министерство своему заместителю в порядке старшинства, предложив ему выполнять непосредственные распоряжения А.Ф. Керенского. Все эти распоряжения, как мне известно, были неуклонно выполняемы». Шесть месяцев напряженной работы правительства, офицерского корпуса, комиссаров военного министерства и фронтовых комитетов не были абсолютно бесплодными. Армия и флот не вернулись на путь безбрежной анархии мартовских дней, а мужественно отражали яростное германское наступление вплоть до победы Ленина в октябре. Но заговорщики и их сообщники не сложили оружия после Корниловского мятежа. Они продолжали толкать Россию в бездну, упрямо выступая против, как они говорили, «слабого» правительства в надежде установить «сильное национальное правительство» под руководством военного диктатора. В своем стремлении дискредитировать Временное правительство они прибегали к самым низким средствам. Однако, несмотря на всю разрушительность их действий, они не смогли добиться желаемых результатов. Заканчивая эту главу, я хотел бы сказать, что уважаю моральное право на мятеж, но в исключительных условиях. Однако во время войны ответственность перевешивает такое моральное право. И тем не менее, ко-гда военная акция корниловских заговорщиков окончилась провалом, страсти забушевали столь мощно, что заслонили собой саму судьбу страны. Заговорщики вновь и вновь прибегали к обману. Во имя торжества дела свободы во всем мире я чувствую себя обязанным подчеркнуть, что поражение русской демократии явилось в основном следствием наступления этих, правых, сил, а не

результатом бессмысленного мифа, согласно которому русская демократия проявила «слабость» и слепоту перед лицом большевистской опасности...

Найдите самостоятельно воспоминания иного происхождения по данной тематике. Проведите сравнительный анализ воспоминаний, выявите расхождения в информации о событиях и их оценке, определите причину этих расхождений.

Для справки:

А.Ф. Керенский (1881–1970) – один из видных членов Временного правительства России, занимавший должность министра юстиции, военного и морского министра, а также возглавлявший его как министр-председатель с июля по ноябрь 1917 года. В мемуарах «Россия на историческом повороте» (The Kerensky memoirs: Russian and history's turning point / by Alexander Kerensky. London: Cassell, 1966) описываются события, происходившие в России с конца XIX века по 1919 года.

Учебно-методическое обеспечение курса

Основная литература

1. Георгиева Н.Г. Историческое источниковедение. Теоретические проблемы: учебник. М.: Проспект, 2023. 248 с.
2. Георгиева Н.Г. Мемуары как феномен культуры и как исторический источник // Вестник РУДН. Сер. История России. 2012. № 1. С. 126–138.
3. Голиков А.Г., Круглова Т.А. Методика работы с историческими источниками: учебное пособие / под ред. А.Г. Голикова. М.: Академия, 2014. 224 с.
4. Голубцов В.С. Мемуары как исторический источник по истории советского общества. М.: Изд. Москов. универ., 1970. 114 с.
5. Егоров О.Г. Русский литературный дневник XIX века: История и теория жанра: Исследование. М.: Флинта: Наука, 2003. 279 с.
6. Журавлев С.В. Современные методы и новые источники изучения истории России XX века: учеб.-метод. пособие. М.: РАГС, 2010. 196 с.
7. Исторический источник и проблемы российской истории. Казань: Изд-во Казан. ун -та, 2011. – 258 с.
8. История в эго-документах. Источники и исследования. Екатеринбург: АсПУр, 2014. 368 с.
9. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. В 5 т. / под ред. П.А. Зайончковского. М.: Книга, 1976–1989.
10. История советского общества в воспоминаниях современников 1917 – 1957 гг.: аннотированный указатель мемуарной литературы / ред.–сост. В.З. Дробижев и др. М.: Изд. МГУ, 1958. 408 с.
11. Источниковедение: учебное пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева; Нац. Исслед.

- ун-т «Высшая школа экономики». Изд.2, испр. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 685 с.
12. Источниковедение; учебник для академического бакалавриата / Е. Д. Твердюкова [и др.]; под ред. А. В. Сиренова. М.: Юрайт, 2019. 396 с.
13. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: учебник / под ред. А. К. Соколова. М.: Высшая школа, 2004. 687 с.
14. Источниковедение отечественной истории XX – XXI вв. Учебно – методическое пособие: сост. А. А. Сальникова, Д. М. Галиуллина. Казань: Казан. фед. ун-т., 2021. 53 с. URL: <http://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/163516>.
15. Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения Российской академии наук, 2010. 549 с.
16. Мининков Н. А., Шандулин Е. В. Источниковедение истории России: учебное пособие. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2020. 114 с.
17. Михеев М. Дневник в России XIX–XX в.: эго-текст, или пред-текст. М.: Водолей Publishers, 2007. 264 с.
18. Петровская И. Ф. Биографика: введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов. СПб.: Петрополис, 2010. 381 с.
19. Поляков И. А., Смирнова М. А. К истории изучения русской мемуарной литературы XVII – XVIII вв.: проблемы систематизации // *Studia litterarum*. 2021. Т. 6. № 4. С. 400–445.
20. Приймак Н. И., Валягина К. О. Мемуары, дневники, письма как исторический источник: учебное пособие. СПб.: ЛЕМА, 2018. 72 с.
21. Русина Ю. А. Источниковедение новейшей истории России: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2015. 233 с.
22. Русина Ю. А. Методология источниковедения: [учеб. пособие]. М.: Юрайт, 2020. – 204 с.

23. Савкина И.Ю. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 438 с.
24. Сальникова А.А. Источниковедение: источники по социокультурной истории России: учебное пособие. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. 120 с.
25. Соловьева С.В., Гаврилюк И.Л. Источниковедение истории России: учебно-методическое пособие. Волгоград: Перемена, 2019. 97 с.
26. Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX века. От рукописи к книге. М.: Наука, 1991. 286 с.
27. Тропин Н.А. Источниковедение: учебное пособие. Елец: Елецкий гос. ун-т, 2019. 132 с.
28. Указатель воспоминаний, дневников и путевых записок XVIII – XIX вв. (Из фондов отдела рукописей) / Сост. С.В. Житомирская и др. М.: [б.и], 1951. 224 с.

Дополнительная литература

29. Анненков Ю. Дневники моих встреч. Цикл трагедий. В 2 т. Л. : Искусство, 1991.
30. Аптекман О.В. Из истории революционного народничества. «Земля и воля» 70-х гг. (по личным воспоминаниям). Ростов-на-Дону: Тип. «Донская речь», 1907. 241 с.
31. Бабкина Н. Душа русской песни. М.: ЗАО Издательство «Центрполиграф», 2002. 381 с.
32. Байдуков Г.Ф. О Чкалове. М.: Художественная литература, 1939. 208 с.
33. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. Россия в мемуарах дипломатов. М.: Международные отношения, 1991. 344 с.
34. Витте С.Ю. Воспоминания. В 3 т. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960.

35. Гурченко Л. Люся, стоп. М.: ЗАО Издательство «Центрполиграф», 2002. 415 с.
36. Дашкова Е.Р. Записки. Спб.: Изд. Группа «Лениздат», 2013. 318 с.
37. Деникин А.И. Очерки русской смуты. В 5 т. М.: Наука, 1991.
38. Дурова Н. Русская амазонка. Записки. М.: Захаров, 2002. 382 с.
39. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М.: ОЛМА–ПРЕСС, 2002.
40. Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Книга 1. Уфа: Китап, 1994. 400 с.
41. Записки и воспоминания женщин XVIII – первой половины XIX вв. М.: Современник, 1990. 538 с.
42. Записки Екатерины II. Репринтное воспроизведение. М.: Наука, 1990. 268 с.
43. Кони А.Ф. Воспоминания о писателях. М.: Правда, 1983. 456 с.
44. Листьев В. Послесловие... М.: АСТ Алкигамма, 2002. 288 с.
45. Набоков В., Уилсон Э. Дорогой Пончик, Дорогой Володя. Переписка. 1940–1971. М.: КоЛибри, 2013. 491 с.
46. Новиков Н.В. Воспоминания дипломата: (Записки о 1938 – 1947 годах). М.: Политиздат, 1983. 399 с.
47. Петр Великий. Воспоминания. Дневники. Записки. М.: Пушкинский фонд. Третья волна, 1993. 447 с.
48. Российский архив: История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. М.: Рооиский фонд культуры, 2016. 728 с.
49. Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой. Спб.: Художественная литература, 1992. 52 с.
50. Сорокин П. Долгий путь. Сыктывкар: Союз Журналистов Коми АССР: Шьпас, 1991. 304 с.
51. Троцкий Л.Д. История русской революции. В 3 т. Берлин: Гранит, 1931–1933.
52. Тукай Г. Детства памятные дни. Казань: Слово, 2013. 18 с.
53. Тютчева А. Воспоминания. М.: Захаров, 2016. 592 с.

54. Федор Раскольников о времени и о себе: воспоминания, письма, документы.
Л.: Лениздат, 1989. 576 с.
55. Фридекс Л.М. Мемуары о Чехове. М.; Л.: Academia, 1930. 152 с.

Информационные ресурсы

<https://histrf.ru/biblioteka/b/elektronnyie-riesursy-po-istorii-rossii> – аннотированный каталог электронных ресурсов по истории России

<http://old-ru.ru/> - антология древнерусской литературы

<http://www.whiteforce.newmail.ru> – Белая гвардия

<http://www.magister.msk.ru/library/library.htm> – Библиотека. Интернет-издание

www.hist.msu.ru/ER/Etext/PICT/feudal.htm – Исторические источники до начала XVIII в. на русском языке в Интернете (Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова).

www.hist.msu.ru/ER/Etext/PICT/russia.htm – Исторические источники XVIII – начала XX в. на русском языке в Интернете (Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова).

www.hist.msu.ru/ER/Etext/PICT/USSR.htm – Исторические источники на русском языке в Интернете (Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова). Россия XX в.

<http://window.edu.ru/resource/215/42215> – Источники по истории России советского и постсоветского периода

<http://20th.su/> – Музей СССР «20й век». Мы из СССР.

<http://mikv1.narod.ru/index.html> – российские мемуары XVIII века

http://www.ruthenia.ru/sovlit/ind_proj.html – Совлит. Советская литература

Учебное издание

Сальникова Алла Аркадьевна

Галиуллина Диляра Магзумовна

ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Учебно-методическое пособие